

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 34–40

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 34–40

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-34-40>, EDN: IKDBLF

Научная статья

УДК [001+37]:811.161.1'38'42

**Квазижанры в структуре обучающего и исследовательского дискурса:
постановка проблемы**

С. В. Мкртычян[✉], Н. В. Дзундза

Тверской государственной университет, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии, mkrtychian@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>

Дзундза Надежда Владимировна, аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии, dzundza.00@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6039-5046>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению понятия *квазижанр*. Квазижанр является искусственным конструктом, который способствует продуктивному решению ограниченного круга исследовательских или лингводидактических задач. Квазижанр может быть представлен целым рядом разновидностей. Квазижанр обладает специфическими жанрообразующими признаками, которые были проанализированы на материале модельных ситуаций, использованных для исследования манипулятивного коммуникативного стиля. К числу жанрообразующих признаков квазижанра можно отнести следующие: искусственность; дедуктивность образования; наличие в композиции константной и переменной частей, несоизмеримых по объёму; моноинтенциональность; скоррелированность с естественной коммуникацией. Искусственность квазижанра обусловлена искусственностью его создания для решения исследовательской/дидактической задачи, которая осознаётся как адресатом, так и адресантом. Дедуктивность образования связана с тем, что квазижанр продуцируется исследователем/преподавателем на основе осмысленных, типологизированных, прототипических представлений адресанта об акте коммуникативного взаимодействия. Со структурно-композиционной точки зрения квазижанр имеет две составляющие: константную (например, задание для испытуемых/обучаемых) и вариативную (множественные ответы испытуемых/обучаемых). Константная часть стремится к минимальному количеству вербальных проявлений, а переменная часть – к максимальному. Девиации возможны, но в рамках обозначенных компонентов. Квазижанр моноинтенционален (исследовать/обучить), интенция должна быть понятна адресату. Наконец, квазижанр, являясь искусственным конструктом, скоррелированным с естественной коммуникацией, может быть признан пригодным для решения ограниченных исследовательских/дидактических задач и/или может рассматриваться как промежуточный этап дискурсивного исследования или обучения.

Ключевые слова: теория речевых жанров, реальный дискурс/искусственный дискурс, исследовательский дискурс, квазижанр, модельная ситуация, моделирование, эксперимент, жанрообразующий параметр

Для цитирования: Мкртычян С. В., Дзундза Н. В. Квазижанры в структуре обучающего и исследовательского дискурса: постановка проблемы // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 34–40. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-34-40>, EDN: IKDBLF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Quasi-genres in the structure of teaching and research discourse:
Statement of the problem**

S. V. Mkrtychian[✉], N. V. Dzundza

Tver State University, 33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russia

Svetlana V. Mkrtychian, mkrtychian@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>

Nadezhda V. Dzundza, dzundza.00@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6039-5046>

Abstract. The article substantiates the quasi-genre. The quasi-genre is an artificial construct that may productively solve a limited range of research or linguodidactic problems. The quasi-genre can be represented by a number of subgenres. The quasi-genre has specific genre-forming features, which are analyzed basing on the model situations used to study the manipulative communicative style. The quasi-genre is artificial and deductive; it contains constant and variable parts, which are incommensurable in volume; it is based on one intention and it correlates with natural communication. The quasi-genre is artificial as it is formed artificially to solve a research/didactic problem, which is realized by both the addresser and the addressee. It is deductive due to the fact that a quasi-genre is produced by a researcher/teacher on the basis of acknowledged, categorized prototypical addresser's view on the communicative interaction. As for the structure and composition, the quasi-genre has two components: constant (a task) and variable (multiple responses). The constant part tends to the minimum number of verbal manifestations, and the variable part – to the maximum. The deviations are possible, but only within the framework of the designated components. The quasi-genre is based on one intention (to explore/teach), and this intention should be clear to the addressee. Being an artificial construct which correlates with natural communication, the quasi-genre can be suitable for performing limited research/didactic tasks and/or can be considered an intermediate stage of discourse research or teaching.

Keywords: theory of speech genres, natural discourse/artificial discourse, research discourse, quasi-genre, model situation, modeling, experiment, genre-forming parameter

For citation: Mkrtychian S. V., Dzundza N. V. Quasi-genres in the structure of teaching and research discourse: Statement of the problem. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 34–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-34-40>, EDN: IKDBLF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанроведение представляет собою одно из динамично развивающихся направлений современной отечественной лингвистики. Реальность речевого жанра как дискурсивной единицы, или «формы упаковывания высказывания в речи», как известно, была обоснована М. М. Бахтиным в начале 1950-х гг., впервые опубликована – в 1978 г. [1: 159]. Программная статья М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» внесла фундаментальный вклад в укрепление позиций функционализма и открыла широкие перспективы для исследования речевых жанров. Направления современного жанроведения, основательно описанные в фундаментальной монографии Л. В. Балашовой В. В. Дементьева «Русские речевые жанры» [2], где изложены как теоретические проблемы, так и вопросы, связанные с монографическим исследованием отдельных речевых жанров, в том числе современной коммуникации в сфере медиа, политической коммуникации, интернет-пространства, сохраняют преемственность в трактовке речевого жанра (см. например [3: 216; 4: 8; 5: 24]).

Принимая во внимание тот факт, что теория речевых жанров как бы «дорастает» до традиционной лингвистики в процессе осмысления внушительного массива дискурсивного материала, едва успевая за изучением образцов отдельных речевых жанров,

исследователь находится в непрестом положении, обязывающем сформировать непротиворечивую теоретическую базу и терминологический аппарат, пригодный для нужд своего конкретного исследования.

Основная сложность заключается в онтологической жанровой «необозримости», на которую обращал внимание М. М. Бахтин [1: 159], отмечая «крайнюю разнородность» устных и письменных речевых жанров, однословных бытовых реплик и многотомных художественных романов [1: 159], художественных и нехудожественных, стандартизированных и глубоко индивидуальных.

Классификационная неоднозначность оснований разграничения речевых жанров приводит к появлению терминологического разнообразия, связанного с разграничением «разнороднейших явлений». Так, К. Ф. Седов выделяет *субжанр*, *гипержанр*, *жанроид*. Под субжанром понимается жанровая форма, представляющая собой однократное высказывание [3: 217]. Гипержанр – «макрообразование», объединяющее несколько жанров в рамках социально-коммуникативной ситуации [3: 217–218]. Жанроид – «переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [2: 218]. См. также смежные понятия/речевые единицы в [6, 7].

В рамках предлагаемой публикации вводится понятие *квазижанра* (от лат. *quasi* – 1) как будто, наподобие, словно; 2) почти, без

мало [8: 843]). Под квазижанром мы понимаем искусственный жанроподобный конструкт, смоделированный сугубо для исследовательских или образовательных целей, который по внешним признакам коррелирует с естественной коммуникацией и который в отличие от естественных речевых жанров обладает целым рядом специфических особенностей (о пяти из которых речь пойдет ниже).

В настоящей статье квазижанр рассматривается в связи с понятием *модельной (моделируемой) ситуации*. Модельная ситуация в исследовательском дискурсе моделируется с целью проведения экспериментального исследования, направленного на решение ограниченной исследовательской задачи, которая, с точки зрения исследователя, может быть решена наиболее эффективно на искусственном материале. Модельная ситуация имеет «языковое воплощение» в виде экспериментального бланка (опросного листа и т. д.), чаще в письменной форме речи. Таким образом, квазижанр 1) представляет собой вербальное оформление моделируемой (модельной) стандартной ситуации, 2) является одной из речевых единиц, в этом качестве 3) находится в одном ряду и с жанром, и с субжанром, и с жанроидом, но 4) не является жанром, хотя имеет с ним общие черты (как не является жанром жанроид, хотя тоже имеет с ним общие черты), при этом 5) как бывают разные жанры (лекция, дискуссия, светская беседа, болтовня), так и бывают разные квазижанры (последний пункт очень важен, но наименее ясен).

В целом итоговая объясняющая теория квазижанра – дело будущего. В настоящей статье, как явствует из названия, данная проблема только обозначается.

Обоснование речевых особенностей квазижанра

Обсудим специфику квазижанра на конкретном предметном образце. В качестве образца взята модельная ситуация из нашего исследования [9], посвященного моделированию и типологизации манипулятивных коммуникативных стилей, которые гипотетически находятся в зависимости от когнитивного параметра ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ (параметризация когнитивных стилей описана в работе М. А. Холодной «Когнитивные стили. О природе индивидуального ума» [10]). Модельная ситуация как квазижанр является не только моделью фрагмента естественной коммуникации, но и моделью фрагмента естественного речевого жанра, в котором может использоваться манипуляция (почти любого, без ограничений!). При этом феномен манипуляции, безусловно,

не является ни речевым жанром, ни квазижанром – манипуляция может иметь место в том или ином жанре, это явление не жанровой природы. Обсуждение типов речевых жанров через призму манипулятивного воздействия оставляем за рамками настоящей статьи. В соответствии с названным когнитивным параметром выделяется два манипулятивных коммуникативных стиля: латентный (оценочно ригидный, который в первую очередь направлен на рациональное искажение фактов, опирается на когнитивный параметр, или когнитивный стиль, РЕФЛЕКТИВНОСТЬ) и эксплицитно-доминантный (который характеризуется эмоциональным доминированием, выраженной оценочностью, обусловленный таким «свойством индивидуального ума», как ИМПУЛЬСИВНОСТЬ). Исследование проводилось в два этапа без временного разрыва между ними, преемственность ответов на обоих этапах строго соблюдалась. На первом этапе на основе методики американского психолога Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» устанавливалась когнитивная характеристика испытуемых, на втором этапе испытуемым предлагалось дать свои ответы закрытого и открытого типа в предполагаемых коммуникативных ситуациях, после чего ответы а) интерпретировались через призму коммуникативных маркеров манипулятивных коммуникативных стилей (в качестве маркеров использовались речевые стратегии, типология которых основывается на ролях Манипулятора в концепции Э. Шострома и теории вежливости П. Браун, С. Левинсона); б) соотносились с когнитивными характеристиками испытуемых, что позволило решить ограниченную исследовательскую задачу – установить характер влияния когнитивного параметра на манипулятивный коммуникативный стиль. Подробно концепция исследования изложена в нашей статье «Когнитивный параметр ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей» [10].

Модельные ситуации, использованные для эксперимента, являются такими искусственными, промежуточными текстами, которые лишь отчасти напоминают жанры, бытующие в естественных условиях. Моделирование предполагает создание такого объекта, который может выступать функциональным аналогом оригинала, но «никогда не встречается в чистом виде» [11: 81]. Модель строится по следующему алгоритму: фиксируются факты, требующие уточнения, выдвигается гипотеза о возможном функционировании объекта, на основе которой строится модель, которая впоследствии верифицируется

на экспериментальном материале и при необходимости уточняется.

В качестве примера приведём одну из модельных ситуаций, использованных в исследовании:

Задание. Напишите, что Вы скажете для достижения явной цели (скрытая цель не должна быть обнаружена собеседником).

Явная цель: убедить, что распределение туров не зависело от Вас.

Скрытая цель: скрыть, что Вам помог родственник.

Ситуация:

По приказу руководителя некоторым работникам выдали льготные туры на море от профсоюза. Вам он достался, потому что за Вас попросил родственник, который работает в профсоюзе. Принцип распределения туров не разглашался, но предполагается, что выделили лучших работников. У Вас есть коллега Ольга – известно, что она часто делает работу не вовремя и опаздывает. Ещё она известная сплетница. Она заводит с Вами разговор о поездке и намекает на то, что Вам она досталась из-за ваших связей в профсоюзе, поэтому досталась она Вам несправедливо. Вы не хотите, чтобы из-за подозрений испортились отношения в коллективе. Как Вы убедите Ольгу, что получили тур по другой причине?

Ответы испытуемых:

1. Я не виноват в том, что вы некачественно выполняете свою работу. Если бы вы приложили усилия, то обязательно получили бы поездку. Не разводите скандал на пустом месте, займитесь делом.

2. Ольга, на самом деле, тот недавний огромный и срочный заказ, видимо, мне реально помог. Это было, конечно, очень тяжело и неожиданно, но это работа, и я не могла от неё отказаться. Несмотря на то, что мне не удалось выспаться пару ночей, я рада, что заказ удалось сдать в срок.

3. Для меня это было так неожиданно. Я вообще первый раз слышу, что у нас на работе можно получить счастливый билет. Вот увидишь, и тебе когда-нибудь повезет.

4. Поездка заслуженная, ведь я работаю, а не бездельничаю, планы выполнены, опозданий на работу нет, типа вот и сравните себя со мной тем более я не думаю, что руководство не видит моего упорства, в отличие от твоей лени, которую даже слепой бы заметил.

5. Эта путевка могла достаться каждому члену нашего коллектива, не могу сказать, что я ее достоин, я всего лишь грамотно и четко выполнял свою работу.

6. Предложу сравнить ее и мою работу и спрошу, кто больше достоин путевки. При условии, что я сам не опаздываю и делаю всё вовремя.

7. Скажу, что распределение туров зависело только от руководителя, значит, он так посчитал нужным.

8. А здесь что-то типа я тебя понимаю, буду тебе помогать и ты тоже заработаешь.

Первое. Квазижанр, как мы можем убедиться, является искусственным по своей

сути, созданным преимущественно в исследовательских или дидактических целях. Искусственность осознаётся как адресатом, так и адресантом.

Второе. Способ создания квазижанра является исключительно дедуктивным. Это значит, что перед адресантом стоит конкретная исследовательская/дидактическая цель, вытекающая из прототипического представления о типичном коммуникативном поведении, упакованном в искусственный речевой жанр – квазижанр. Для достижения поставленной цели формируется пакет требований к заданию для испытуемых/обучаемых с целью заполнения вербальной лакуны прототипического сценария поведения. У испытуемого, в свою очередь, активируется определённое модельное представление (в терминах когнитивной лингвистики *сценарий, фрейм*) о заданной ситуации. У носителей одной культуры эти представления резонируют скорее всего в унисон. Искусственный каркас коммуникативной ситуации, который как любая модель не тождествен реальной коммуникации, характеризуется редуцированностью при выраженности тех существенных особенностей, которые заложены в основу модели автором.

Полагаем, что квазижанр модельной ситуации даёт материал для весьма продуктивного решения ограниченного круга задач дискурсивного исследования, поскольку позволяет сначала дедуктивным способом воплотить гипотезу исследования в искусственном материале, характеризующемся укрупнённой исследуемых особенностей, которые можно классифицировать по основанию не/пригодности, не/существенности, а потом верифицировать эту модель на обширном дискурсивном материале, который, как известно, зачастую с трудом укладывается в схемы и модели, представляя собою живую пластичную коммуникативную ткань.

В целом жанроведческий подход должен бы быть более склонным к индуктивности, поскольку исследует живой дискурс. Однако дедуктивность квазижанра не может быть продекларирована как его сугубая типологическая особенность. Естественные жанры реальной коммуникации тоже могут иметь индуктивную основу. Во-первых, в жанроведении существуют модели, по которым исследуются речевые жанры. Самой известной из них считается модель Т. В. Шмелёвой, состоящая из семи конститутивных признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого и будущего, языковое воплощение и тип диктумного (событийного) содержания [12: 92–96]. О продуктивности модели свидетельствует

её 30-летняя востребованность в жанроведении. Модель Т. В. Шмелёвой не является единственной, в этом ряду можно назвать, в частности, коммуникативно-семиотическую модель жанров естественной письменной речи Н. Б. Лебедевой [13]. Речежанровые модели предлагают заготовленный каркас для исследования живых речевых жанров. Безусловно, они важны, поскольку дают опору прежде всего молодым исследователям, помогая им ориентироваться в стихии реального дискурса. С другой стороны, задавая определённые модельные параметры, они как бы запускают сам процесс исследования в заданное автором модели русло, априори редуцируя исследовательский подход.

На это обстоятельство обращает внимание В. В. Дементьев, рассуждая в цитированной монографии о том, что может дать русистике теория речевых жанров, в частности, она может дать материал для осмысления языковой узуальности [2: 26]. Ограничение исследовательского горизонта вряд ли стоит приветствовать строгим соблюдением модельных рамок.

Во-вторых, существуют жёсткие речевые жанры официально-делового стиля (административного, юридического и др. подстилей), которые естественно существуют по модельным канонам и живут по законам дедукции особенно органично в эпоху всеобщей цифровизации, в частности, бланки и формы разного рода документации, например, отчёты, заявления и т. д.

Третье. Квазижанр всегда состоит из двух обязательных частей: константной (например, задание для испытуемых) и вариативной, т. е. наполняемой переменной (множественные ответы испытуемых). Причём вариативность составляющих квазижанра отличается: константная часть стремится к минимальному количеству вербальных проявлений, а переменная часть – к максимальному. Константная часть, в свою очередь, тоже имеет две составляющие: формулировка задания (*Скажите ..., обратитесь ..., отреагируйте ..., объясните ..., уладьте конфликт...* и т. д.) и описание ситуации, содержащее как минимальное и достаточное для моделирования количество коммуникативно-прагматических параметров, которые могут характеризовать интенциональную установку участников квазикоммуникации в рамках квазижанра, социальные роли и статусы, межличностные отношения, пол, возраст и др., так и описание собственно конкретной коммуникативной интеракции. В качестве примера приведём константную часть другой модельной ситуации:

Ваш друг Андрей – очень ответственный работник, хорошо выполняет все задания, которые ему поручают. Тем не менее, его не выделяют в коллективе на фоне коллег, которые допускают ошибки и сдают работу не вовремя. Например, Виталий допускал более серьезные ошибки в документах, но он выкручивался, так как он в хороших отношениях с руководителем.

Однажды Андрей допускает ошибку при выполнении важного задания. Ваш руководитель узнает об этом и ставит его в пример недобросовестного сотрудника. Вас это возмущает. Как бы Вы убедили руководителя, что несправедливо так осуждать Андрея?

Явная цель: защитить друга, которого несправедливо резко осуждают.

Скрытая цель: обнаружить ошибки других, намекнуть на неравное отношение в коллективе.

Говоря о композиции квазижанра, мы не ограничиваем его двумя составляющими. В зависимости от целей исследования может иметь место детализация каждой из составляющих. Например, испытуемым могут предлагаться готовые опорные слова/выражения, может задаваться начало фразы и т. д.

Четвёртое. Квазижанр имеет отчётливую моноинтенциональность: исследовать или обучить. Интенция понятна адресату и адресанту.

Моноинтенциональность составляет весьма специфическую особенность квазижанра, которая выражается в ответах, оформленных косвенной речью:

1. Привлечь внимание путём смены деятельности, то есть после проведения субботника вместе пойти с коллективом в кино, кафе и т. д.

2. Сделать акцент на том, что данный субботник сплотит коллектив. И думаю, что коллег можно будет смотивировать денежным поощрением.

3. Учитывая, что коллектив недружный, за просто так на субботник никто не пойдет, следовательно, нужно либо создать искусственную выгоду для всех участников субботника. Можно предложить денежное вознаграждение всем участникам.

4. Представить ситуацию как отличный способ провести время. При наличии возражений со стороны коллектива ссылаться на старших начальников.

Ответы могут быть и гибридными, содержащими одновременно прямую и косвенную речь:

1. Мотивировать тем, что приятно работать или жить в чистой среде, что мусор будет сдан в переработку, что это сплотит коллектив. Что тот, кто первый хорошо очистит свою часть территории, будет поощрен 10% суммы или предложить устроить чаепитие/шашлыки вскладчину.

2. Поговорить с каждым лично, объяснить, что нужно ухаживать за природой, тем более совместная работа сплочает коллектив.

3. Я скажу, что я был на тренировках, меня просят – а вот тебе попадет.

В экспериментальной ситуации такого рода ответы типичны. С одной стороны, они сразу определяют квазиинтенцию испытуемого в предлагаемой ему коммуникативной роли и в анализируемом исследовании дают возможность безошибочно типологизировать речевые стратегии (единицы абстрактного интенционального уровня), которые рассматриваются как маркеры манипулятивного коммуникативного стиля, реализуемые в речевых тактиках в вербальной наличности. Но здесь возникает проблема иного свойства: отсутствие вербальной наличности уводит в сторону от лингвистичности описания, мы не получаем материала, который даёт представление об узуальном использовании языка и описание совершенно переходит в плоскость схемы. С другой стороны, получив вербальный продукт, исследователь может ошибиться, «расшифровывая» интенцию квазиговорящего, и мы можем прийти к ситуации, когда, по выражению Т. Г. Винокур, «говорилось одно, а сказалось другое», когда стилистическое задание не совпадает со стилистическим эффектом.

Пятое. Квазижанр всегда имеет коррелят в естественной коммуникации, он существует как искусственный дублетный конструкт, создаваемый в конечном итоге с целью оптимизации коммуникативного процесса.

В связи с этим пунктом квазижанр тоже имеет определённые ограничения. Так, в ситуации даже анонимного экспериментального взаимодействия с испытуемыми может возникать эффект «оправдания ожидания», когда квазиговорящий даёт квазиответ, который вряд ли имел бы место в реальной коммуникации. Например:

1. *Уважаемый Николай Сергеевич, позвольте не согласиться с Вами. Как коллега Андрея, хотела бы обратить Ваше внимание на то, что ошибка, про которую сейчас идёт речь, – не такая критичная и легко исправимая. Несомненно, ошибки никогда не совершаются вовремя, однако именно эту достаточно легко решить! Если потребуется, я лично могу этим заняться. Нет никаких сомнений, что и Отдел качества, и Вы лично тщательно следите за выполнением всех требований. Но в недавнее время я стала замечать всё больше ошибок со стороны других коллег, например, Виталий должен быть проследить за выполнением срочного заказа, однако это не было сделано, в связи с чем заказчик отказался с нами работать. Не хотелось бы терять такого ценного клиента. Возможно, мы могли бы написать ему письмо с извинениями и предложением о скидках на будущие заказы?*

2. *Уважаемые коллеги! По указанию руководителя нашей фирмы мы обязаны принять участие в субботнике, который пройдёт в ближайшие*

выходные. Предстоит уборка территории вокруг нашего здания. Явка обязательна! Если Вы вдруг не сможете принять участие в данном мероприятии, необходимо предоставить документальное подтверждение для причин Вашего отсутствия в указанные дни (медицинская справка, билеты на поезд или самолёт, иные документы – рассматриваются в индивидуальном порядке).

Заключение

Подводя итог, полагаем, что квазижанр существует в коммуникативной практике, имеет речежанровую природу, при этом обладает своей спецификой (искусственность; дедуктивность образования; наличие в композиции константной и переменной частей, несоизмеримых по объёму; моноинтенциональность; скоррелированность с естественной коммуникацией).

Возвращаясь к поставленному во вступлении вопросу о том, что существуют разные квазижанры, хотим подчеркнуть, что в статье рассматривается не один, а несколько разных квазижанров, но дать им названия весьма затруднительно. В этой связи может быть высказан ряд гипотез, например, использовать названия оригинальных жанров: квазижанрами являются: [?]квазицельность, [?]квазиугроза, [?]квазишантаж, ^{??}квазиразводилово... Конечно, все эти номинации выглядят весьма непривычно для лингвиста.

Добавим, что собственно квазижанрами описываемые в статье ситуации являются по отношению к реальному разговорному (манипулятивному) дискурсу, который исследуется или которому обучают, а по отношению к обучающему/исследовательскому дискурсу, из которого и взяты, – не квазижанрами, а полноценными жанрами. В этом смысле квазижанры являются единицами креолизованного типа (креолизованными жанрами).

Термин *модельная ситуация*, возможно, правильнее заменить на *моделируемая ситуация* (ср. понятие модельной – «образцовой» – языковой личности (≈типажа) в лингвоперсонологии, тогда как в статье термин *модельная ситуация* используется в значении, противоположном образцовому: «искусственная, искаженная» (по сравнению с оригиналом)).

Как уже было сказано, в данной предметной области вопросов гораздо больше, чем ответов, и итоговая объясняющая теория пока не просматривается.

Рассуждая об ограниченности квазижанра как исследовательского конструкта, можем констатировать, что он, безусловно, не заменяет изучения реальной коммуникации, не может считаться единицей реального дискурса, но может быть признан пригодным

для решения ограниченных исследовательских задач и/или может рассматриваться как промежуточный этап дискурсивного исследования, любое из которых только гипотетиче-

ски может быть признано исчерпывающим, поскольку дискурсивная реальность по своей сути неисчерпаема – она как жизнь, она и есть жизнь, «погружённая» в дискурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.

3. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 210–223.

4. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

5. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : ПГУ, 1986. С. 22–29.

6. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.

7. Усачева О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 3. С. 55–65.

8. Большой латинско-русский словарь / под ред. И. Х. Дворецкого. М. : Русский язык, 1976. 1096 с.

9. Мкртычян С. В., Дзундза Н. В. Когнитивный параметр «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ/РЕФЛЕКТИВНОСТЬ» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. 2023. № 4 (79). С. 37–47. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.4.037>

10. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб. : Питер, 2004. 384 с.

11. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М. : Просвещение, 1966. 302 с.

12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

13. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1-2. С. 4–10.

2. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).

3. Sedov K. F. Linguistics. Speech production. Genristics. *Journal of Psycholinguistics*, 2012, no. 15, pp. 210–223 (in Russian).

4. Demytyev V. V. About “genres of speech and language of speech” again: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

5. Gaida S. Problems of the genre. In: *Funktsional'naya stilistika: teoriya stilei i ikh yazykovaya realizatsiya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Functional Stylistics: Theory of Styles and their Language Implementation: Interuniv. coll. of sci. arts]. Perm, Perm State University Publ., 1986, pp. 22–29 (in Russian).

6. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual genre study: Fixed and disputable. *Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 2 (12), pp. 105–123 (in Russian).

7. Usacheva O. Iu. Looking at the genres of webcommunication. *Key Issues of Contemporary Linguistics, State University of Education*, 2009, no. 3, pp. 55–65 (in Russian).

8. *Bol'shoi latinsko-russkii slovar'*. Pod red. I. Kh. Dvoret'skogo [Dvoret'skii I. Kh., ed. Great Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk, 1976. 1096 p. (in Russian).

9. Mkrtychian S. V., Dzundza N. V. Cognitive parameter of impulsivity/reflexivity as the basis of the typology of manipulative communication styles. *Tver State University Bulletin: Philology*, 2023, no. 4 (79), pp. 37–47 (in Russian). <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.4.037>

10. Kholodnaya M. A. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. The nature of the individual mind. 2nd ed.]. Saint Petersburg, Piter, 2004. 384 p. (in Russian).

11. Apresyan Yu. D. *Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki (kratkij ocherk)* [Ideas and methods of modern structural linguistics (overview)]. Moscow, Prosveshchenie, 1966. 302 p. (in Russian).

12. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry Rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

13. Lebedeva N. B. The Russian naive written speech as the object of linguistic research. *Altai State Pedagogical University Bulletin: Humanities*, 2001, no. 1-2, pp. 4–10 (in Russian).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The Problem of Speech Genres. *Collected works*. Vol. 5. Works from 1940–1960. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206 (in Russian).

Поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 28.03.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 28.03.2024; published 28.02.2025